

Фото: В.Ходаков | Expo.Pravoslavie.Ru

«В ходе переговоров с РПЦЗ падали средостения, которые были между нами»

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II и митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский Лавр. Фото: В.Ходаков / Expro.Pravoslavie.Ru

- Отец Владислав, вы входили в комиссию, которая со стороны Московской Патриархии вела переговоры с зарубежниками о восстановлении евхаристического общения. С вашей точки зрения, что было труднее всего преодолеть в духовном плане? Что было самой серьезной проблемой?

- У нас было разное восприятие истории нашей Церкви в советскую эпоху. За нашим, Московским, восприятием тех событий стоит один опыт, за тем восприятием, которое сложилось у зарубежников, - опыт другой. Все это более-менее фокусировалось в теме, связанной с оценкой деятельности митрополита Сергия, Местоблюстителя Патриаршего Престола, будущего Патриарха, на первом этапе разделения. Было заметно, что прямо или косвенно другая сторона хотела бы включить в документы, завершающие процесс воссоединения, негативную оценку его деятельности. Мы, со своей стороны, этому противились, и делали это вполне успешно.

Но была еще одна проблема. В 1970-е годы Зарубежная Церковь отреагировала на вступление Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей актами резко антиэкуменического характера. В ходе переговоров обнаруживались опасения зарубежников быть вовлеченными в сомнительный, как им представлялось, процесс экуменического диалога. Мы разъяснили нашу позицию, подтвердив, что ни о каком отступничестве от православного учения во всей его полноте речь не шла и не могла идти, и, наверное, они убедились, что это так и есть.

Греческие старостильники сами, как только узнали о начале нашего диалога, объявили о разрыве общения с РПЦЗ

Со стороны Константинопольской Патриархии выражена была тогда обеспокоенность по тому

поводу, что мы ведем переговоры с зарубежниками, а зарубежники общаются с греческими старостильниками, а старостильники – явные раскольники. Мы предложили прекратить евхаристическое общение с греческими старостильниками, но старостильники сами, как только узнали о начале нашего диалога, объявили о разрыве общения с Русской Зарубежной Церковью.

По завершении переговоров и принятии принципиальных решений о воссоединении надо было рассмотреть личные дела тех, кто переходил из одной юрисдикции в другую. По этой проблеме было принято решение о снятии прецедентов, наложенных в связи с такими переходами, но если прецедент было наложено до перехода, оно должно было оставаться в силе. Если это было запрещение в служении на определенный или неопределенный срок, то, с канонической точки зрения, оно могло быть снято. Серьезнее была проблема с изверженными из сана. По отношению к ним прибегли к такому решению: канонически сан не может быть восстановлен по соображениям икономии, он может быть восстановлен, если само решение было следствием либо судебной ошибки (не имел места факт, который стал причиной прецедента), либо если при вынесении приговора имело место нарушение установленных канонических процедур. Ссылка на имевшие место нарушения канонической процедуры церковного суда позволила в ряде случаев отменить вынесенные ранее решения об извержении из сана. Ситуация усложнялась тем, что переходы из одной юрисдикции в другую могли быть не только в рамках Русской Церкви, имели место и переходы в Зарубежную Церковь клириков других Поместных Церквей: Антиохийской, Болгарской, Сербской, – и решать возникшие таким образом проблемы пришлось на уровне взаимоотношений между автокефальными Церквями.

- Всегда во всех переговорах очень важную роль играет личный фактор: настроение, расположение людей. И понятно, что десять лет назад люди, которые вступали в эти переговоры и с одной, и с другой стороны, имели некоторые предубеждения. Приходилось ли с этим сталкиваться? Как менялось отношение друг к другу в процессе общения, и что способствовало этим изменениям?

Участники переговоров о воссоединении РПЦ и РПЦЗ

- В ходе переговоров мы начинали лучше понимать друг друга, падали средостения, которые были между нами. Но имело значение и то обстоятельство, что участники переговоров уже раньше были более или менее знакомы друг с другом. Я познакомился с архиепископом Марком (Арндтом) и протоиереем Николаем Артемовым за несколько лет до переговоров о воссоединении, участвуя в локальных контактах между представителями Московского

Патриархата и Зарубежной Церкви в Германии.

- А какие предубеждения в отношении Московской Патриархии были у зарубежных в то время? Что казалось гипертрофированным и странным в представлениях о нас?

- В самом начале контактов с зарубежниками возникало впечатление, что они имели казавшееся нам полуфантастическим представление о нашей вовлеченности в решения политических задач государства, которое было уже скорее антисоветским, а в их представлении оставалось еще советским по своей сути. У нас, как мне представляется, было более адекватное представление о Зарубежной Церкви, чуждое подозрительности. В порядке оборонительном порой мы затрагивали темы из истории взаимоотношений между государственными деятелями нацистской Германии и иерархами Зарубежной Церкви. Но все же облако взаимного недоверия постепенно рассеялось, и историю решено было оставить историкам для объективного исследования.

- Вы сейчас в личном общении наблюдаете, как менялось отношение к нам за эти десять лет?

- Я не имею особой возможности наблюдать это общение на приходском уровне, хотя бываю в Германии, но однажды я участвовал в совместном собрании духовенства в Берлине, там все было вполне дружелюбно. На приходах иногда бывают трения, но эти трения связаны не с принципиальными темами, а с конкуренцией за паству.

Наше разделение было болезнью, вызванной не церковными, но политическими, внешними по отношению к Церкви причинами

- По прошествии десяти лет как вы в целом оцениваете значение этого события - воссоединения РПЦ и РПЦЗ?

- Хорошо, что все завершилось благополучно. Наше разделение являлось болезнью, вызванной не собственно церковными, но политическими, внешними по отношению к Церкви причинами. Когда изменился государственный строй в России и статус Церкви в нашей стране, то причины для продолжения разделения ушли и само разделение стало анахронизмом. И этот анахронизм был преодолен в самом конце жизни Предстоятелей: вскоре после воссоединения отошли ко Господу и Первоиерарх РПЦЗ митрополит Лавр, и Святейший Патриарх Алексий, так что воссоединение стало своего рода итогом их жизни и их святительского служения.

У нас журналисты часто бывают плохо сведущими в темах, о которых они берутся рассуждать. Когда начинался диалог, я читал в какой-то газете, что это будет диалог разнородных элементов: с одной стороны - русская аристократия (имелась в виду Зарубежная Церковь, где паству составляют титулованные особы), а с другой стороны - рабоче-крестьянская Церковь, и им нелегко будет договориться и друг друга понять. Я, прочитав это, подумал: возглавляет Церковь, «где титулованные особы», выходец из крестьянской семьи митрополит Лавр, а к аристократии некоторым образом принадлежит как раз глава «рабоче-крестьянской», здешней Церкви - патриарх Алексий II! Но это такая журналистская торопливость, когда на основе поверхностно известных им фактов делаются глубокомысленные, но совершенно пустые заключения.

Митрополит Лавр внес неоценимый вклад в дело воссоединения двух ветвей Русской Церкви

Митрополит Лавр внес неоценимый вклад в дело воссоединения. Думаю, потому, что у него были другие корни, чем у прежних предстоятелей Зарубежной Церкви. Он вступил в монастырь, который возник на почве эмигрантской, но сам-то он не эмигрант, он из крестьянской семьи Закарпатья, Восточной Словакии. Не имея тех предубеждений, которые были очень значимы для его предшественника, митрополита Виталия, он со своей стороны способствовал благоприятному завершению этих переговоров и воссоединению.

*С протоиереем Владиславом Цыпиным
беседовал иеромонах Игнатий (Шестаков)
18 мая 2017 г.*